

«Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна

Людвиг Витгенштейн (1889–1951) родился в Австрии. По образованию он был инженером, занимался теорией авиационных двигателей и пропеллеров. Математический аспект этих исследований привлек его внимание к чистой математике, а затем к философии математики. Заинтересовавшись работами Г. Фреге и Б. Рассела по математической логике, он направился в Кембридж и в 1912–1913 гг. работал с Расселом. Во время Первой мировой войны Витгенштейн служил в австрийской армии и попал в плен. В плену он, видимо, и закончил «Логико-философский трактат», опубликованный впервые в 1921 г. в Германии, а на следующий год в Англии. После освобождения из плена Витгенштейн работал учителем в школе, имел некоторые контакты с М. Шликом, посетил Англию. В 1929 г. окончательно переехал в Кембридж. В 1939 г. он сменил Дж. Мура на посту профессора философии. Во время Второй мировой войны работал в лондонском госпитале. В 1947 г. вышел в отставку.

В 1953 г. были опубликованы его «Философские исследования», а в 1958 г. – «Синяя» и «Коричневая» тетради, за которыми последовали и другие публикации из его рукописного наследия. Этот второй цикл его исследований настолько отличается от «Логико-философского трактата», что Витгенштейна даже вполне обоснованно считают создателем двух совершенно различных философских концепций – явление в истории философии не такое уж частое.

«Логико-философский трактат» Витгенштейна оказал большое влияние на возникновение логического позитивизма. Это очень трудная, хотя и небольшая работа, написанная в форме афоризмов. Ее содержание настолько многозначно, что историки философии считают ее автора одной из самых противоречивых фигур в истории современной философии.

Прежде всего, Витгенштейн предлагает не монистическую, а плюралистическую картину мира. Мир, согласно Витгенштейну, обладает

атомарной структурой и состоит из фактов. «Мир есть все, что происходит». «Мир – целокупность фактов, а не вещей». Это значит, что связи изначально присущи миру. Далее следует, что «мир подразделяется на факты».

Для Витгенштейна факт – это все, что случается, что «имеет место». Но что же именно имеет место? Рассел, который в данном отношении был солидарен с Витгенштейном, поясняет это следующим примером: Солнце – факт; и моя зубная боль, если у меня на самом деле болит зуб, – тоже факт. Главное, что можно сказать о факте, это то, что уже было сказано Расселом: факт делает предложение истинным. Факт, таким образом, есть нечто, так сказать, вспомогательное по отношению к предложению как к чему-то первичному; это материя предметной интерпретации высказывания. Следовательно, когда мы хотим узнать, истинно ли данное предложение или ложно, мы должны указать на тот факт, о котором предложение говорит. Если в мире есть такой факт, предложение истинно, если нет – оно ложно. На этом тезисе, собственно, и строится весь логический атомизм.

Все как будто бы ясно. Но стоит сделать еще шаг, как немедленно возникают трудности. Возьмем, например, такое высказывание: «Все люди смертны». Кажется, нет никого, кто вздумал бы оспаривать его истинность. Но есть ли такой факт, как то, что существует в наличии, что «происходит»? Другой пример. «Не существует единорогов» – видимо, это тоже истинное высказывание. Но получается, что его коррелятом в мире фактов будет отрицательный факт, а они не предусмотрены в трактате Витгенштейна, ибо, по определению, они «не происходят».

Но это еще не все. Если говорить о содержании науки, то здесь фактом или, точнее, научным фактом считается далеко не все, что «происходит». Научный факт устанавливается в результате отбора и выделения некоторых сторон действительности, отбора целенаправленного, осуществляемого на основе определенных теоретических установок. В этом смысле совсем не все то, что происходит, становится фактом науки.

Каково же отношение предложений к фактам в логическом позитивизме? Согласно Расселу, структура логики как остова идеального языка должна быть такой же, как и структура мира. Витгенштейн доводит эту мысль до конца. Он утверждает, что предложение есть не что иное, как образ, или изображение, или логическая фотография факта. С его точки зрения, в предложении должно распознаваться столько же разных составляющих, сколько и в изображаемой им ситуации. Каждая часть предложения должна соответствовать части «положения вещей», и они должны находиться в совершенно одинаковом отношении друг к другу. Изображение, дабы оно вообще могло быть картиной изображаемого, должно быть в чем-то тождественным ему. Это тождественное и есть структура предложения и факта. «Предложение, – пишет Витгенштейн, – картина действительности: ибо, понимая предложение, я знаю изображаемую им возможную ситуацию. И я понимаю предложение без того, чтобы мне объяснили его смысл». Почему это возможно? Потому что предложение само показывает свой смысл.

Предложение показывает, как обстоит дело, если оно истинно. И оно говорит, что дело обстоит так. Понять же предложение – значит знать, что имеет место, когда предложение истинно.

Витгенштейн предпринял попытку проанализировать отношение языка к миру, о котором язык говорит. Вопрос, на который он хотел ответить, сводится к следующей проблеме: как получается, что то, что мы говорим о мире, оказывается истинным? Но попытка ответить на этот вопрос все же окончилась неудачей. Во-первых, учение об атомарных фактах было искусственной доктриной, придуманной *ad hoc* (для данного случая (лат.)), для того чтобы подвести онтологическую базу под определенную логическую систему. «Моя работа продвигалась от основ логики к основам мира», – писал позднее Витгенштейн. Не значит ли это, что «мир» в его трактовке есть вовсе не независимая от человеческого сознания реальность, а состав знания об этой реальности (более того, знания, организованного

логически)? Во-вторых, признание языкового выражения или предложения непосредственным «изображением мира», его образом в самом прямом смысле слова, настолько упрощает действительный процесс познания, что никак не может служить его сколько-нибудь адекватным описанием.

Можно было бы рассуждать так: логика и ее язык в конечном счете сформировались под воздействием действительности, и потому они отображают ее структуру. Поэтому, зная структуру языка, мы можем, опираясь на нее, реконструировать и структуру мира как независимой реальности. Это было бы возможно, если бы мы имели гарантию того, что логика (в данном случае логика «Principia Mathematica») имеет абсолютное значение, и если бы можно было быть уверенным в том, что мир был создан Господом по образцу логико-философской концепции Рассела и Витгенштейна. Но это слишком смелая гипотеза. Куда более правдоподобно мнение, что логика «Principia Mathematica» – только одна из возможных логических систем. С точки зрения здравого смысла проблема познания – это проблема отношения сознания к действительности; что же касается научного познания, то это, прежде всего, создание теоретических конструкций, реконструирующих их объект. Всякое познание осуществляется, разумеется, с помощью языка, языковых знаков, это идеальное воспроизведение реальности человеческим субъектом. Знание под этим углом зрения идеально, хотя оно так или иначе фиксируется и выражается посредством знаковых систем, имеющих материальных носителей той или иной природы: звуковых волн, отпечатков на том или ином материальном субстрате – медных скрижалях, папирусе, бумаге, магнитных лентах, холсте и т. п. Таков изначальный дуализм всего мира культуры, включая и «мир знания». Несколько упрощенная форма этого дуализма, известная под названием субъектно-объектное отношение, современную философию уже не устраивает, и различные течения на Западе, начиная с эмпириокритицизма, пытались и пытаются так или иначе ее преодолеть.

Логический анализ, предложенный Расселом, и анализ языка, предложенный Витгенштейном, имели целью устранение произвола в философских рассуждениях, избавление философии от неясных понятий и туманных выражений. Они стремились внести в философию хоть какой-либо элемент научной строгости и точности, хотели выделить в ней те ее части, аспекты или стороны, где философ может найти общий язык с учеными, где он может говорить на языке, понятном ученому и убедительном для него. Витгенштейн полагал, что, занявшись прояснением предложений традиционной философии, философ может выполнить эту задачу. Но он понимал, что философская проблематика шире, чем то, что может охватить предложенная им концепция.

Возьмем, например, вопрос о смысле жизни, одну из глубочайших проблем философии; точность, строгость и ясность здесь едва ли возможны. Витгенштейн утверждает, что то, что может быть сказано, может быть ясно сказано. Здесь, в этом вопросе, ясность недостижима, поэтому и сказать что-либо на эту тему вообще невозможно. Все это может переживаться, чувствоваться, но ответить на такой мировоззренческий вопрос по существу нельзя. Сюда относится и вся область этики.

Но если философские вопросы невыразимы в языке, если о них ничего нельзя сказать по существу, то как же сам Витгенштейн мог написать «Логико-философский трактат»? Это и есть его основное противоречие. Рассел замечает, что «Витгенштейн умудрился сказать довольно много о том, что не может быть сказано». Р. Карнап также писал, что Витгенштейн «кажется непоследовательным в своих действиях. Он говорит нам, что философские предложения нельзя формулировать и о чем нельзя говорить, о том следует молчать: а затем, вместо того чтобы молчать, он пишет целую философскую книгу». Это свидетельствует о том, что рассуждения философов надо принимать не всегда буквально, а *cum grano salis*. Философ обычно выделяет себя, т. е. делает исключение для себя из своей собственной концепции. Он пытается как бы стать вне мира и глядеть на него со стороны.

Обычно так поступают и ученые. Но ученый стремится к объективному знанию мира, в котором его собственное присутствие ничего не меняет. Правда, современная наука должна учитывать наличие и влияние прибора, с помощью которого осуществляется эксперимент и наблюдение. Но и она, как правило, стремится отделить те процессы, которые вызываются воздействием прибора, от собственных характеристик объекта (если, конечно, в состав объекта не включается и прибор).

Философ же не может исключить себя из своей философии. Отсюда и та непоследовательность, которую допускает Витгенштейн. Если философские предложения бессмысленны, то ведь это должно относиться и к философским суждениям самого Витгенштейна. И кстати сказать, он мужественно принимает этот неизбежный вывод, признает, что и его философские рассуждения бессмысленны. Но он стремится спасти положение, заявив, что они ничего и не утверждают, они только ставят своей целью помочь человеку понять что к чему и, как только это будет сделано, они могут быть отброшены. Витгенштейн говорит: «Мои предложения служат прояснению: тот, кто поймет меня, поднявшись с их помощью – по ним – над ними, в конечном счете признает, что они бессмысленны. (Он должен, так сказать, отбросить лестницу после того, как поднимется по ней.) Ему нужно преодолеть эти предложения, тогда он правильно увидит мир». Но что представляет собою это правильное видение мира, он, конечно, не разъясняет.

Очевидно, что весь логический атомизм Витгенштейна, его концепция идеального языка, точно изображающего факты, оказалась недостаточной, попросту говоря, неудовлетворительной. Это вовсе не значит, что создание «Логико-философского трактата» было бесполезной тратой времени и сил. Мы видим здесь типичный пример того, как создаются философские учения. В сущности говоря, философия представляет собой исследование различных логических возможностей, открывающихся на каждом отрезке пути познания. Так и здесь Витгенштейн принимает постулат или допущение,

согласно которому язык непосредственно изображает факты. И он делает все выводы из этого допущения, не останавливаясь перед самыми парадоксальными заключениями. Оказывается, что эта концепция односторонняя, недостаточная для того, чтобы понять процесс познания вообще и философского познания в частности.

Но и это не все. У Витгенштейна есть еще одна важная идея, естественно вытекающая из всей его концепции и, может быть, даже лежащая в ее основе: мысль о том, что для человека границы его языка означают границы его мира, так как для Витгенштейна первичной, исходной реальностью является язык. Правда, он говорит и о мире фактов, которые изображаются языком.

Но мы видим, что вся атомарная структура мира сконструирована по образу и подобию языка, его логической структуры. Назначение атомарных фактов вполне служебное: они призваны давать обоснование истинности атомарных предложений. И не случайно у Витгенштейна нередко «действительность сопоставляется с предложением», а не наоборот. У него «предложение имеет смысл независимо от фактов». Или если элементарное предложение истинно, соответствующее со-бытие существует, если же оно ложно, то такого со-бытия нет. В «Логико-философском трактате» постоянно обнаруживается тенденция к слиянию, отождествлению языка с миром. «Логика заполняет мир; границы мира суть и ее границы».

Таким образом, Витгенштейн, а за ним и другие неопозитивисты замыкаются в границах языка как единственной непосредственно доступной реальности. Мир выступает для них лишь как эмпирическое содержание того, что мы о нем говорим. Его структура определяется структурой языка, и если мы можем как-то признать мир независимым от нашей воли, от нашего языка, то лишь как нечто невыразимое, «мистическое».